

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА В РОССИИ

ОТ РАЗДЕЛОВ
ПОЛЬШИ
ДО ПАДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ,
1772-1917

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА В РОССИИ

Под редакцией Исраэля Барталя

HISTORY OF THE JEWS IN RUSSIA

Edited by Israel Bartal

История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи / Под ред. И. Лурье. Том 2. — М.: Мосты культуры/Гешарим, 2012. — 534 с.

ISBN 978-5-93273-348-9

Новая монография, подготовленная израильскими, российскими, американскими и немецкими исследователями, посвящена различным аспектам жизни евреев в Российской империи. Она является второй частью серии «История еврейского народа в России» и охватывает период с первого раздела Польши в 1772 г. и до Февральской революции 1917 г. В этом издании, подводящем итог многолетних исследований, нашло отражение многообразие современных подходов к истории и культурному наследию российского еврейства. Среди основных тем, представленных в пяти разделах книги, — история государственного законодательства о евреях, еврейские общественные, религиозные и политические движения, демографические процессы, развитие новой еврейской литературы на трех языках — иврите, идише и русском и возникновение различных форм национальной культуры на территории империи.

Книга издана при участии

Memorial Foundation for Jewish
Culture

Русского общества друзей Еврейского
университета в Иерусалиме

ISBN 978-5-93273-348-9

© Мосты культуры/Гешарим, 2012

© Центр Чейза по развитию иудаики на русском
языке. Еврейский университет в Иерусалиме, 2012

© Центр еврейской истории им. Залмана Шазара, 2012

МЕЖДУ ИМПЕРСКОЙ ИСТОРИЕЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ

Израэль Барталь

Написание работы, призванной охватить более двух тысяч лет истории евреев в России, в начале третьего тысячелетия по христианскому летосчислению выглядит предприятием отчаянно смелым, если не лишенным исторической логики. «Россия» не существовала в древнее время ни как политическое явление, ни как территория, где господствовала бы «русская» культурно-религиозная общность. Пространство, где развивались сюжеты еврейской истории, стало «русским» и является им до сих пор прежде всего в результате военной экспансии сравнительно молодой славянской державы на территории, расположенные к югу, востоку и западу от нее. В 2000 г., спустя почти десятилетие после распада Советской империи, британский историк Питер Невилл в предисловии к своей работе писал о России: «Россия имеет особые географические характеристики. Одна из них — это отсутствие значительных природных барьеров <...> — явление, открывавшее центр страны для вторжений кочевников с востока»¹.

Нет сомнений, что это отсутствие четких физических границ существенно не только для истории России в целом — оно также определило место еврейской истории в контексте истории русской. «Россия» приходила к евреям, и евреи приходили в «Россию», но на протяжении долгого времени те, кто однажды стали считаться русскими евреями, селились за пределами этого государства.

Последним историком, пытавшимся охватить в одной работе всю историю евреев на пространстве Российской империи (если не брать в расчет труды, которые не были закончены, и произведения, в которых описываются лишь некоторые исторические эпохи²), был Семен Дубнов. Его сочинение, создан-

ное накануне Первой мировой войны — в период, когда территория Российского государства достигла максимальных размеров, — вышло в США в 1916 г. под названием «History of the Jews in Russia and Poland». Исраэль Фридендер, осуществивший перевод книги на английский язык с русского оригинала (который так никогда и не увидел свет), писал о ней: «Настоящая работа может в полной мере считаться первым всеобъемлющим и систематическим исследованием по истории русско-польского еврейства³».

Верный своей историографической системе, Дубнов разделил этот труд (в котором он в значительной степени опирался на части своей трехтомной «Истории евреев») на разделы, посвященные трем эпохам: 1) 26-страничный (!) раздел, начинающийся описанием истории евреев в Северном Причерноморье в эллинистическую эпоху и заканчивающийся историей евреев в Московском государстве начала XVI в.⁴; 2) главы, посвященные истории евреев в Польско-Литовском государстве, начиная со времени Крестовых походов и до первого раздела Польши в 1772 г.⁵; 3) история евреев в Российской империи 1772–1914 гг.⁶ Часть первого тома, а также второй и третий тома книги посвящены тому, что произошло с евреями на территории, находившейся под властью царской России, со времени разделов Польши во второй половине XVIII в. и до Первой мировой войны. Прошло уже более 90 лет с того момента, когда работа большого русско-еврейского историка увидела свет на английском языке⁷.

После выхода трехтомника Дубнова работы, охватывающие все периоды истории евреев России, больше не издавались. Три тома настоящего издания, первый том которого был полностью посвящен истории евреев с древнего времени до первого раздела Польши в 1772 г. и увидел свет в 2009 г., представляют читателям совершенно иной вариант изложения, нежели Дубнов. Итоговая монография по истории российского еврейства, выходящая в свет в XXI столетии, должна отличаться от новаторского для своего времени сочинения Дубнова в трех аспектах. Во-первых, к истории евреев России добавились две эпохи: советское время (1918–1991) и почти двадцатилетний период после распада Советского Союза. Оба этих исторических периода — принципиально отличающиеся от дореволюционной эпохи — требуют исследования, описания и анализа как в контексте русско-еврейской истории вообще, так и с учетом особых характерных для них историко-политических реалий⁸. Во-вторых, за годы, прошедшие с того момента, когда Дубнов писал свои исторические работы (а основа значительной части его сочинений, по сути, закладывалась еще в начале 90-х годов XIX в.), и в особенности в постсоветское время коренным образом изменилось положение исторической науки: археологические находки, обнаруженные и исследованные еще в советскую эпоху, стали существенным дополнением к относительно немногочисленным источникам сведений о ранних еврейских общинах в Северном Причерноморье,

известным Дубнову; архивные материалы, закрытые для историков с 20-х гг. предыдущего столетия, были открыты для изучения; увидели свет многочисленные новые исследования; и, возможно, самое важное: изменились акценты в еврейской историографии, начали задаваться новые вопросы, совершенно отсутствовавшие в исторических работах Дубнова и его современников⁹. В-третьих, центры научной иудаики постепенно сместились со своих старых мест в Европе, а историография евреев Восточной Европы расцвела в странах, расположенных по ту сторону океана. Начало перемещения этих центров с территории Российской империи в большие города Западной Европы и США можно было наблюдать еще в конце XIX в. В годы перед Первой мировой войной этот процесс ускоряется: из Варшавы, Санкт-Петербурга¹⁰ и Берлина исследовательские центры перемещаются в Лондон, Нью-Йорк и Иерусалим (и появление книги Дубнова на английском языке в Филадельфии может служить ярким тому примером). Вторая мировая война и ее последствия стали смертельным ударом для исследований, проводившихся в странах Восточной Европы. Перемещение центров науки привело к изменению направлений исследования. Изменился не только язык научного творчества — поменялись политические условия, в контексте которых создавались исторические труды, другими стали взгляды исследователей, их мировоззрение.

Исторические исследования синтетического характера, которые создавались на русском языке в рамках культурного, политического и идеологического дискурса русско-еврейской интеллигенции, не походили на то, что писалось годы спустя в среде еврейско-американского академического сообщества¹¹. В центре внимания Дубнова и современных ему историков в предреволюционные годы были напряженные отношения евреев с авторитарным государством, борьба за эмансипацию, новый подъем антисемитизма. Под влиянием этого дискурса находилась в значительной степени группа иерусалимских историков, которая образовывала так называемую «иерусалимскую школу»¹². По их убеждению, подъем еврейской политической активности и еврейского национализма неминуемо вел к сионизму. История евреев в Восточной Европе была центральным мотивом творчества ряда историков «иерусалимской школы». Их сочинения отличались сочетанием живой связи с еврейской или польско-еврейской культурой и приверженности радикальным национальным и социальным идеям¹³.

Главы новой монографии, частью которой является этот том, написаны большой группой исследователей из Российской Федерации, Западной Европы, Соединенных Штатов и Израиля. Это коллективный труд, созданный людьми, представляющими различные научные школы, выражающие точки зрения, значительно отличающиеся друг от друга. Особенностью этой работы является участие в ней авторов, проживающих на территории бывшего Советского Союза. Они представляют результаты исследований, возродившихся

после долгих лет молчания в советский период. Центры еврейской историографии, переживавшей пору расцвета в России в конце дореволюционного периода и в первые послереволюционные годы, переместились, как было сказано выше, из городов империи на Запад и в Страну Израиля¹⁴. Историография восточноевропейского еврейства сменила язык, она была насильственно оторвана от архивов и библиотек и осуждена на отрывочное и случайное использование исторических документов, которые были опубликованы до начала советского времени или увидели свет в рамках того, что было разрешено в Советском Союзе. В 1920-е гг. на территории СССР еще продолжалась деятельность старых («буржуазных») еврейских научных институций, выходили исторические журналы, были даже опубликованы некоторые важные работы историков, принадлежавших еще к предыдущему поколению. Наряду с этим в СССР процветали исторические школы, признанные новой властью и существовавшие при ее поддержке, велись исследования, которые приспособлялись к идеологическому диктату и меняющимся политическим обстоятельствам¹⁵. С начала 1930-х гг. более не разрешалась публикация исторических исследований, созданных в «буржуазном» духе, и даже «официальная» историография подвергалась жесточайшему контролю, заметно уменьшилась ее источниковая база, ухудшилось и качество самих работ. В 1931–1948 гг. резко сократилось число публикаций по истории евреев в Восточной Европе. Например, на русском языке в этот период вышло всего девять (!) работ, так или иначе имевших отношение к еврейской истории, большинство из них было посвящено второстепенным темам¹⁶. Ликвидация еврейских культурных и научных учреждений в последние годы правления Сталина положила конец остаткам «официальной» еврейской историографии. В эпоху десталинизации в журнале «Советиш Геймланд» увидели свет несколько работ по истории евреев, в 1980-е гг. также были сделаны попытки возобновить легальную деятельность в области исторических исследований. После падения советского режима в конце предыдущего столетия увеличилось число исследований по еврейской тематике, начали появляться новые журналы, посвященные академической иудаике, были написаны научные работы по истории евреев в России на русском языке, возобновились связи с сообществом историков в странах Запада и в Израиле, были созданы академические институции, объединяющие исследователей, связанных с еврейскими дисциплинами, и издательские проекты¹⁷. Многие публикации по истории евреев в России, увидевшие свет в постсоветскую эпоху, опирались на обилие документов, использование которых стало возможным после открытия архивов для историков. В результате радикальных изменений в странах Восточной Европы был устранен идеологический диктат и сняты политические перегородки, ограничивавшие возможности исследователей в советский период. Темы, которых почти не касались в научных работах начиная с 30-х гг. предыдущего столетия (среди них — по-

литика советского режима по отношению к евреям), удостоились в настоящее время критического исследования¹⁸.

* * *

Есть ли что-нибудь общее между приверженцами Закона Моисеева, жившими в греческих поселениях на северном берегу Черного моря в эллинистическую эпоху, и еврейскими общинами в Великом княжестве Литовском в XVI в.? И что связывает еврейские поселения в южных районах, находившихся под властью татар, и в северных, бывших под властью поляков, с этнокультурной общностью, сформировавшейся под русской царской властью и получившей название «русское еврейство»? Россия как государственное образование с определенными границами, управлявшееся единой имперской администрацией, обладавшее официальным языком, общей культурой и общим самосознанием, возникла позднее упомянутых выше еврейских центров и располагалась достаточно далеко от них. Попытка написания истории еврейских общин, существовавших в районах, которые вошли в состав Российской империи только в XVIII в., общин, часть которых перестала существовать задолго до того, как на землю, где они когда-то располагались, ступила нога русского солдата, занимает особое, хотя и не исключительное место в еврейской историографии. Существуют и другие случаи, когда переход территории от одной державы к другой порождал новое написание истории евреев в соответствии с геополитическими изменениями. С тех пор как в Новое время начали создаваться «национальные» исторические нарративы, которые формировались вокруг той или иной геополитической оси, еврейские историки следовали в фарватере историографии своих стран, и из-под их пера выходили параллельные еврейские версии французской, английской, немецкой или польской истории. Эти еврейские нарративы — заглавия которых имеют геополитическую привязку: «История евреев в такой-то стране» или «История евреев такой-то страны» — должны были решить сложные вопросы самоидентификации, своеобразия, правового положения, но главным образом — легитимации. Евреи как предмет исторического исследования должны были стать частью «нации» в соответствии с одним из определений этого понятия в XIX в., но в то же время они воспринимались и как обособленная группа, сохраняющая связь с общинами своих единоверцев за границей. Еврейские историки, пытавшиеся создать исторический нарратив, общий для государства, в котором они жили, и своей этнической группы, апеллировали к древности пребывания еврейских общин на территории государства, делали акцент на проявлениях патриотизма, на том вкладе, который внесли евреи в развитие общества, на их связях с господствующей культурой (во многих случаях это была имперская культура). В условиях этнической пестроты еврейского окружения вопросы лояльности, вклада в общее дело и культурных связей часто имели острое политическое звучание. Связь с определенной стра-

ной и самоидентификация с ее прошлым могли привести (как это действительно не раз случалось в XIX–XX вв.) к обвинениям евреев в том, что они являются агентами имперской власти (русской, австро-венгерской или германской). В результате распада многонациональных империй в конце Первой мировой войны и образования на их руинах новых национальных государств многие мультикультурные тенденции были вытеснены одной из национальных версий исторического нарратива, среди которых была и еврейская национальная версия (не обладавшая, в свою очередь, ни уникальностью, ни единством), или заменены имперской версией нового типа, как это случилось с еврейской историографией, развивавшейся в орбите СССР. Иногда различные версии истории евреев в определенных регионах перекрывались одна другой, так как на протяжении поколений территории расселения еврейских общин в Центральной или Восточной Европе переходили из рук в руки. Более того, еврейские историки, которые в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, писали историю евреев в Восточной Европе, могли принадлежать к русской имперской культуре, чувствовать себя как дома в культуре польской, принимать активное участие в создании немецкоязычного культурного пространства, одновременно публикуясь в журналах и газетах на иврите и идише. После Первой мировой войны возникли новые, дополнительные направления аккультурации, породившие еврейские историографии в контексте истории наций, которые получили государственную независимость или хотя бы международное признание их национальной культуры. Исследователи еврейской истории в Восточной Европе в большинстве своем были многоязычны, так же как писатели, поэты, юристы, составлявшие еврейскую интеллигенцию в этой части мира. Так, например, в Польше уже начиная с середины XIX в. расцвела еврейская историография на польском языке, сочетавшая восприятие культуры польского окружения и отождествление с ней с научным исследованием истории еврейских общин на территории Польско-Литовского государства. Историки, среди которых — Меир Балабан (1877–1942), Эмануэль Рингельблюм (1900–1944), Моше Шор (1874–1941) и Ицхак Шиппер (1884–1943), совмещали принадлежность польскому историографическому дискурсу, в котором они прекрасно ориентировались благодаря академической подготовке, полученной в университетах Львова и Варшавы, с еврейским национальным мировоззрением в его различных политических вариантах¹⁹. Речь может идти, таким образом, о «еврейско-польском» историческом сознании, возникшем одновременно с началом процесса распространения польской культуры среди представителей еврейской интеллигенции. Сходство между «еврейско-польским» и параллельным «еврейско-русским» историческим сознанием хорошо знакомо тем, кто занимается историей евреев в Восточной Европе.

«Премодернистский» этап истории евреев в этой части мира был связан, по крайней мере на исходе Средневековья и в начале Нового времени, с вос-

точной частью еврейско-ашкеназской диаспоры. Хотя нет никаких сомнений, что первоначальный демографический пласт еврейского населения Восточной Европы составили группы, связанные с регионами Востока — Византии, Ближнего Востока, Кавказа, уже начиная с XVI в. можно говорить о языковом, религиозном и культурном доминировании иммигрантов из Германии. Ашкеназские еврейские общины характеризовались общими религиозными и языковыми чертами и сходной общинной организацией на всей территории от Эльзаса на западе до Литвы на востоке²⁰. Еврейско-ашкеназское самосознание, объединявшее еврейские общины Польско-Литовского государства с общинами Германии, Богемии, Моравии, Голландии и северо-востока Франции, ослабевало по мере формирования альтернативного исторического сознания, такого как польское или русское, в Новое время. В определенном смысле сегодня можно говорить о «еврейско-русской» истории как об истории «ашкеназской» религиозно-этнической группы, где «русская» составляющая вытеснила «ашкеназскую». Эта группа колебалась между «имперской» идентичностью, оформившейся в конце эпохи самодержавия и в годы советской власти, и более ранней этнической идентичностью, переродившейся в современную многослойную национальную общность.

Когда возникает «еврейско-русское» историческое сознание? Нет сомнений, что, как и в случае польско-еврейского исторического сознания, оно могло появиться только в том слое русско-еврейской интеллигенции, который отождествлял себя в той или иной степени с Российской империей или, по меньшей мере, с имперской культурой²¹. Такого культурно-социального слоя не было до второй половины XIX в. Начало внутренней культурной борьбы в среде российского еврейства связано с появлением Гаскалы (еврейского Просвещения) в период царствования императора Николая I (1825–1855). Вследствие реформ, проводившихся в стране в начале правления императора Александра II, темпы еврейской аккультурации ускорились. Стали выходить еврейские газеты на русском языке, появились русскоязычные литературные произведения и исторические исследования²². Только ближе к концу XIX в., парадоксальным образом как раз в тот период, когда в образованных слоях еврейского общества укоренилось подозрительное отношение к российскому правительству и его политике, еврейско-русское самосознание превратилось в относительно широкое культурное явление. На протяжении XX в. оно приобрело советский облик, когда к имперскому историческому сознанию добавились определенные политические и социальные компоненты, связанные с новым режимом. «Еврейско-русское» историческое сознание в своем советском варианте наложило свой отпечаток на отношение к еврейской истории, предшествовавшей 1772 г. С одной стороны, еврейская историография (главным образом это относится к историографии евреев в Польско-Литовском государстве) на протяжении нескольких поколений приспособлялась к рус-

скому имперскому дискурсу, как это произошло, например, в изучении еврейского самоуправления или в исследовании хасидизма и Гаскалы; с другой стороны, специалисты, занимающиеся историей евреев Восточной Европы, боролись, и борются до сих пор, за освобождение историографии от старых условностей, от идеологических схем и политических обязательств, возникших еще в эпоху самодержавия и при советской власти²³. Так, в последние десятилетия значительные изменения произошли в оценке роли радикальных и консервативных течений в истории евреев Восточной Европы, иначе представляется теперь и роль еврейской «буржуазии» в социально-политической жизни общества.

Завершилась ли русско-еврейская история вместе с волнами эмиграции на Запад и в Израиль в 80–90-е гг. прошлого века? Думается, что история евреев России в XXI в. будет историей международных диаспор, находящихся в процессе постоянных демографических, языковых и культурных изменений. Евреи, живущие сегодня в России, являются одновременно частью особой российской истории и частью истории еврейской диаспоры, восходящей к еврейским общинам Российской империи. Это следствие и продолжение процессов, которые начались с эмиграции XIX в. Список авторов трех томов «Истории еврейского народа в России», так же как и многообразие предлагаемых ими историографических концепций, является результатом этих исторических процессов — процессов, изменивших и продолжающих менять лицо крупнейшей еврейской общины в Восточной Европе.

¹ *Neville P.* Russia: The USSR, the CIS and the Independent States — A Complete History in One Volume. Gloucestershire, 2000. P. 1.

² Можно упомянуть сочинения, созданные в разное время и в различном идеологическом контексте: *Гейликман Т.* История общественного движения евреев в Польше и России. М.; Л., 1930 (на идише сокращенный вариант этой работы был издан в Москве в 1926 г.); *Baron S.* The Russian Jew under Tsars and Soviets. N. Y., 1976; *Greenberg L.* The Jews in Russia: The Struggle for Emancipation. N. Y., 1976. В рамках монументального издания (так и не вышедшего полностью) *The World History of the Jewish People* под ред. Бецалея (Сесила) Рота увидел свет том, частично посвященный истории евреев в Восточной Европе в Средние века: *The Dark Ages*. N. Brunswick, 1966. Два других тома, посвященных истории евреев Восточной Европы в Польско-Литовском государстве и в царской России (их редактировали Шмуэль Эттингер и автор этих строк), так и не были изданы. Статьи Эттингера, написанные специально для тома о царской России, были опубликованы после его смерти в 1989 г. в работе *Ettinger S.* Mi-Polin le-Rusiya (Из Польши в Россию). Иерусалим, 1995. С. 257–325.

³ *Dubnow S.M.* History of the Jews in Russia and Poland. Vol. I. Philadelphia, 1916. P. 4.

⁴ *Ibid.* P. 13–38.

⁵ *Ibid.* P. 39–306.

⁶ Ibid. P. 307–413, также см. 2-й том этой работы, изданный в 1918 г. (P. 13–429) и 3-й том, изданный в 1920 г. (P. 7–169).

⁷ О сочинении Дубнова, а также о причинах публикации его книги на англ. яз. см.: *Grinbaum A.* Petaqim be-historiografiya shel yahadut Russia (Главы историографии евреев России). Иерусалим, 2007. С. 36–56. О политических воззрениях Дубнова и его взглядах на историю см.: *Frankel J.* Crisis, Revolution, and Russian Jews. Cambridge, 2009. P. 239–275; *Bartal I.* «Tahlif le-mimshala, le-medina u-le-ezrahut»: Shimon Dubnov ve-ha-shilton ha-atsmi ha-yehudi («Замена правительству, государству и гражданству»: Шимон Дубнов и еврейское самоуправление) // Bartal I. (ed.). Ha-shilton ha-atsmi ha-yehudi le-dorotav (Собрание Израиля: История еврейского самоуправления). Иерусалим, 2004. С. 223–232.

⁸ См. обобщающую работу по истории этого периода: *Pinkus B.* Yehudei Russia u-vrit ha-moatsot: Toledot miyut leumi (Евреи России и Советского Союза: История национального меньшинства). Сде Бокер, 1986

⁹ О еврейско-русской историографии в предреволюционную эпоху см.: *Гринбаум А.* (см. прим. 7); *Nathans B.* On Russian-Jewish Historiography // Sanders T. (ed.). Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State. N. Y.; London, 1999. P. 397–432. (См. также русский вариант этой статьи: *Натанс Б.* Об историографии российского еврейства // Вестник Еврейского университета. 2001. № 6. С. 163–206.)

¹⁰ Об истории центра академической иудаики в Санкт-Петербурге с предреволюционного периода и до времени его заката в 1930-х гг. см.: *Бейзер М.* Евреи Ленинграда: Национальная жизнь и советизация. М.; Иерусалим, 1999. С. 307–325.

¹¹ Примером серьезной трансформации историографии евреев России — освобождения от радикально-либерально-национального подхода, перенесенного из России в Израиль и США, — является монография Натанса: *Nathans B.* Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles; London, 2002. Автор анализирует эти изменения на с. 1–20 (см. также рус. пер. кн.: *Натанс Б.* За чертой: Евреи встречаются с позднимперской Россией. М., 2007). См. также *Frankel J.* Op. cit. (прим. 7). P. 276–310 (первая версия этой работы увидела свет под названием: *Assimilation and the Jews in Nineteenth Century Europe: Towards a New Historiography* // *Frankel J & Zipperstein St. J* [eds.]. *Assimilation and Community.* Cambridge, 1992. P. 1–37). См. также: *Zipperstein St. J.* *Imagining Russian Jewry, Memory, History, Identity.* Seattle; London, 1999. P. 3–14; *Bartal I.* *The Jews of Eastern Europe, 1772–1881.* Philadelphia, 2005. P. 1–13 (рус. пер. этой кн.: *Барталь И.* От общины к нации: Евреи Восточной Европы в 1772–1881 гг. М.; Иерусалим, 2007. С. 7–22).

¹² Наиболее яркое выражение эта тенденция получила в юбилейной статье Бен-Циона Динура о Семене Дубнове, написанной к 75-летию историка (1935 г.). См.: *Dinur B.-Z.* Shimon Dubnov, в его книге *Dorot u-reshumot: mihqarim ve-iyunim ba-historiografiya ha-israelit* (Поколения и записи: Исследования по израильской историографии). Иерусалим, 1978. С. 231–261.

¹³ Об основных направлениях «иерусалимской школы» и ее продолжателей в исследовании истории евреев Восточной Европы см.: *Динур Б.-Ц.* Указ. соч. (см. прим. 12). С. 193–228; *Ettinger S.* Ben-Zion Dinur: ha-ish u-faalo ha-histori (Бен-Цион Динур: его личность и деятельность в исторической науке) // Ibid. *Ha-historiya ve-ha-histori-*

yonim (История и историки). Иерусалим, 1993. С. 117–128. *Bartal I., Frenkel J. Historiya u-shelihut: Shmuel Ettinger, hoqer yahadut mizrah Eiroa* (История и миссия: Шмуэль Эттингер, исследователь еврейства Восточной Европы) // *Ettinger S. Mi-Polin le-Russiya* (см. прим. 2). С. 11–23.

¹⁴ Семен Дубнов переехал в Берлин, позднее осел в Риге (Латвия); Шауль Гинцбург поселился в Соединенных Штатах, Бен-Цион Динур (Динабург) репатриировался в Палестину.

¹⁵ О еврейской историографии в советскую эпоху см.: *Гринбаум А.* Там же. С. 66–77, его же работы: *Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе, 1918–1953* // *Евреи в России: Историографические очерки: 2-я половина XIX века — XX век.* М.; Иерусалим, 1994. С. 6–180; *Jewish Scholarship and Scholarly Institutions in Soviet Russia, 1918–1953.* Jerusalem, 1978; *Ha-mihqar ha-yehudi bi-vrit ha-moatsot* (Еврейские исследования в Советском Союзе) // *Behinot.* № 6. 1975. С. 52–65. Список работ, которые увидели свет в виде отдельных книг в СССР в первые четыре десятилетия советской власти опубликован в кн.: *Shmeruk H. (ed.) Pirsumim yehudiim bi-vrit ha-moatsot* (Еврейские публикации в Советском Союзе). Иерусалим, 1961. С. 84–97, 408; *Altshuller M. (ed.) Pirsumim rusiim be-brit ha-moatsot al yehudim ve-yahadut* (Публикации на русском языке в Советском Союзе о евреях и иудаизме). Иерусалим, 1970. С. 83–96; *Литература о евреях на русском языке, 1890–1947: Книги, брошюры, оттиски статей, органы периодической печати:* Библ. ук. СПб., 1995. С. 223–325.

¹⁶ *Альтшуллер М.* Указ. соч. С. 61–66.

¹⁷ Прекрасным примером международного взаимодействия в области публикаций по истории евреев Восточной Европы является журнал по иудаике на русском языке «Вестник Еврейского университета», издающийся в Москве с 1992 г., а с 1998 г. и по настоящее время выходящий при участии Центра Чейза Еврейского университета в Иерусалиме. В этом журнале среди прочего публикуются исследования по истории, архивные документы и переводы на русский язык лучших научных работ, вышедших на иврите.

¹⁸ В этом отношении характерно высказывание Мордехая Альтшуллера, крупного исследователя еврейского населения СССР, на тему, которой он посвятил отдельную книгу, — место религии в жизни евреев Советского Союза: «Значительная часть исследования, которому я посвятил более десяти лет, основана на материале из советских архивов, доступ к которым стал возможен только после крушения режима. При анализе тысяч документов как из центральных, так из местных советских органов власти открылась многоплановая и противоречивая картина еврейской религиозной деятельности, ранее не достаивавшаяся исследования и публикации» [*Altshuller M. Yahadut ba-mahbesh ha-sovieti: ben dat la-zehut ha-yehudit bi-vrit ha-moatsot, 1941–1964* (Иудаизм под советским прессом: Религия и еврейская идентичность в Советском Союзе, 1941–1964). Иерусалим, 2008. С. 13].

¹⁹ Достаточно полное описание исследований по истории евреев Польши начиная с середины XIX в. содержится в работе: *Eisenbach A. Ha-historiografiya ha-yehudit be-Polin ben shteil milhamot ha-olam* (Еврейская историография в Польше между двумя мировыми войнами) // *Bartal I., Gutman I. (eds). Qiyum ve-shever. Yehudei Polin le-doroteihem* (Евреи Польши на протяжении поколений). Т. 2. Иерусалим, 2001. С. 669–696. Английскую версию этой статьи см.: *Eisenbach A. Jewish Historiography in Interwar Po-*

land / Yisrael Gutman et. al. [eds.] // *The Jews of Poland between Two World Wars*. Hanover; London, 1989. P. 453–494.

²⁰ *Halperin I. Yehudim ve-yahadut be-mizrah Eiroa* (Евреи и иудаизм в Восточной Европе). Иерусалим, 1969. С. 9–33. *Бартадь И.* От общины к нации. С. 25–36.

²¹ *Slutski Y. Tsmihata shel ha-intelegentsiya ha-yehudit-rusit* (Формирование еврейско-русской интеллигенции) // *Zion*. № 25. 1960. С. 212–237; *Бартадь И.* От общины к нации. С. 157–170; *Nathans B. Beyond the Pale*. P. 83–122 (о Санкт-Петербурге).

²² *Slutski Y. Ha-itonut ha-yehudit-rusit be-me'a ha-19* (Еврейско-русская журналистика в XIX в.). Иерусалим, 1971.

²³ *Бартадь И.* От общины к нации. С. 7–22; *Frankel J.* Op. cit. P. 276–310; *Nathans B. Beyond the Pale*. P. 1–20.

ЧАСТЬ 1

РОССИЙСКОЕ
ГОСУДАРСТВО
И ЕВРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

1.1 РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЕВРЕЯХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772–1881)

Джон Клиер

1772–1801 гг.

Когда после разделов Польши 1772, 1793 и 1795 гг. польские евреи стали российскими подданными, законодатели столкнулись с правовой *terra incognita*, поскольку согласно декрету 1744 г. евреям было запрещено даже временное пребывание в Российской империи. Правительство Екатерины II (1729–1796, императрица с 1762) не только установило принципы толерантности по отношению к евреям, но и подтвердило законные привилегии, которыми обладали евреи в Польско-Литовском государстве. Наиболее важным для евреев явилось сохранение системы их самоуправления — кагала. Решение Екатерины было прагматичным и мотивировалось представлением о том, что евреи как городское социальное сословие могли бы способствовать экономическому развитию городов Российской империи. Мало кто понимал, что не все евреи были заняты торговлей и ремеслами в городской среде. Лишь постепенно российские чиновники осознали, что множество евреев проживали в деревнях, где они занимались мелкой торговлей, а также арендовали у польских помещиков целый ряд монополий, например мукомольную. Наиболее важной сферой деятельности еврейских арендаторов были производство и продажа спиртных напитков. Царствование Екатерины II было отмечено постоянным противоречием между усилиями государства по расширению прав евреев в тех сферах экономики, где, как считалось, это было полезно, и ограничительными мерами там, где это признавалось непродуктивным или экономически вредным.

Синагога в Лунно Гродненской губ.
С открытки нач. XX в.

Самой важной экономической привилегией, которую получили евреи, было включение их в «Грамоту на права и выгоды городам Российской империи» («Жалованную грамоту городам») Екатерины II (1785 г.), которая разрешила городам Российской империи иметь органы самоуправления (городские думы). Постановлением российского Сената — проводника имперских законов — от 1786 г. евреям особо было разрешено иметь право голоса в этих учреждениях и право состоять в них на службе. Евреи воспользовались этими правами, что встревожило их религиозных лидеров, опасавшихся, что «евреи сближаются с неевреями», и нееврейское городское население, которое смотрело на евреев как на серьезных экономических соперников. Тем не менее несмотря на некоторые специальные ограничения со стороны местных губернаторов, например сокращение доли евреев в городском представительстве до одной трети, евреи продолжали участвовать в городском самоуправлении.

Разделы Польши открыли для польских евреев новые рынки, и богатые еврейские купцы из Белоруссии поспешили воспользоваться новыми эконо-

Деревянная синагога в г. Могилеве, Белоруссия (XVIII в.).

Фотоархив экспедиций С. Ан-ского 1912–1914 гг. Из собрания центра «Петербургская иудаика»

мическими возможностями, записываясь в купеческие гильдии Москвы. Это вызвало протест со стороны авторитетных московских купцов, обвинивших евреев в финансовых злоупотреблениях и контрабанде. После длительного расследования правительство постановило, что евреи на территории империи автоматически получали права, предоставленные им в 1772 г., только в тех областях, которые были аннексированы у Польши, или в регионах, специально «открытых» для евреев, таких как недавно колонизованные земли Новороссии — степного региона в Северном Причерноморье. Этот принцип, согласно которому права евреев существовали, только если они были особым образом оговорены, положил начало ограничениям по месту жительства, получившим известность как «черта оседлости».

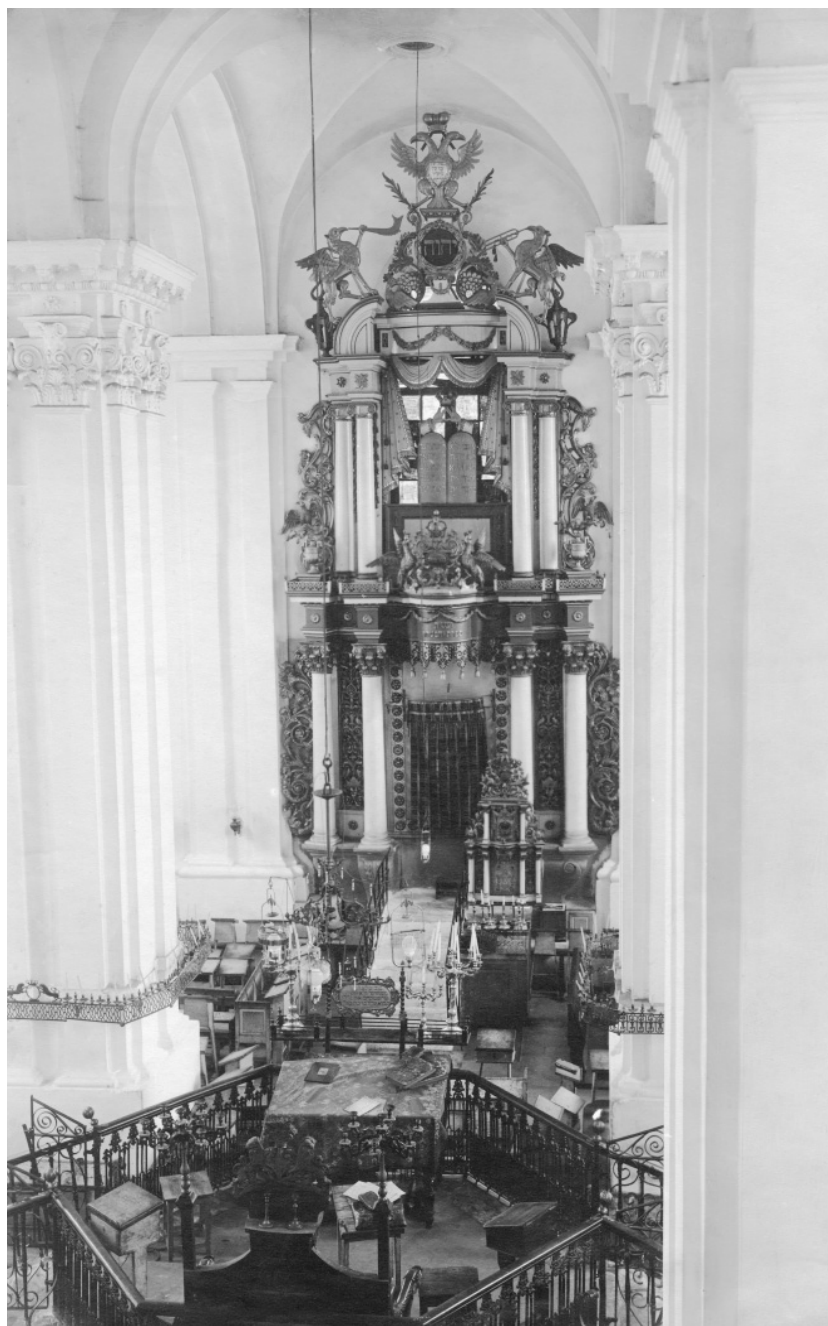
При Екатерине евреи пользовались полной свободой передвижения в пределах черты оседлости. Даже еврейским представителям мещанского сословия было позволено передвигаться свободно, в то время как мещане-неевреи были лишены такой возможности.

Исследователи по-разному объясняют происхождение ограничительного законодательства в отношении евреев, например указа о двойном налогообложении 1794 г. (он был отменен после 1812 г.); возможно, это было мерой поддержания военных расходов, которые влекла за собой имперская экспансионистская внешняя политика. Другая денежная повинность, возложенная на евреев, была более популярной: законы от 1794 и 1796 г. освобождали всех евреев, включая мещан, от несения личной военной службы в обмен на значительную плату в размере 500 рублей, вносимую общиной за каждого освобождаемого рекрута. Такой возможностью мещане-неевреи не обладали.

В целом в Российской империи по отношению к евреям существовала достаточная религиозная терпимость, несмотря на постоянные попытки склонить их к принятию христианства — посредством денежного вознаграждения или облегчения уголовного наказания для нарушителей-евреев. Иерархи Русской православной церкви были более озабочены тем, что взаимодействие с евреями может способствовать распространению иудаизма среди крестьян, нежели кампаниями по обращению иноверцев.

Некоторая двусмысленность всегда сопровождала официальное определение «еврея». Иногда закон рассматривал евреев как *сословие*, иногда как этническую группу (*племя*) или даже как находящихся под покровительством государства «чужаков» (*инородцы*). Однако в любом случае понятие религии стояло на первом месте. До конца всего рассматриваемого периода любой еврей, перешедший в христианство, переставал быть евреем в глазах закона¹.

При наследнике Екатерины Павле I (1754–1801, император с 1796) Российское государство открыло для себя «еврейский вопрос», Это произошло под влиянием общественных дебатов о евреях в Европе в эпоху Просвещения и в результате первого близкого знакомства с реалиями еврейской жизни в черте оседлости, особенно с ролью евреев в сельской экономике. «Еврейский вопрос» в России базировался на двух посылах — «еврейском фанатизме» и «еврейской эксплуатации». Понятие «еврейского фанатизма» предполагало, что столетия гонений и учение Талмуда сформировали среди евреев особый замкнутый склад ума — менталитет гетто, который вместе с религиозно усиленным чувством превосходства над «гоями» делал невозможным для евреев стать лояльными гражданами государства. Основой «еврейской эксплуатации» была склонность евреев жить, используя труд своих христианских соседей, особенно крестьян. Решение следовало искать в разрушении барьеров посредством аккультурации (которая определялась то как *сближение*, то как *слияние*) и в превращении евреев в более «полезных» подданных, в частности, наделяя их землей. Эти идеи получили особое распространение благодаря влиятельным докладам литовского губернатора И.Г. Фриделя и поэта и

Интерьер синагоги в г. Кременец Волынской губернии (нач. XIX в.).
Фотоархив экспедиций С. Ан-ского 1912–1914 гг. Из собрания центра «Петербургская иудаика».

сенатора Г.Р. Державина. Оба они отразили влияние идей Гаскалы в Германии в сочетании со стремлением просвещенного абсолютизма к осуществлению социальных реформ посредством *règlement*².

1801–1825 гг.

Первые годы правления Александра I (1777–1825, император с 1801) были отмечены попытками внутренних преобразований, такими как модернизация государственных учреждений и усилия по смягчению тягот крепостного права. Побуждение к реформам, в конечном счете, подчинялось борьбе с наполеоновской Францией. Растущая осведомленность в «еврейском вопросе» и неопределенность прав евреев на вновь присоединенных землях Польши послужили толчком для попыток законодательного реформирования еврейства. Комитет высокопоставленных должностных лиц разработал первый систематический кодекс законов для евреев — Положение о евреях 1804 г. В соответствии с либеральными позициями начала царствования Александра I евреям было позволено поступать в любое российское образовательное учреждение, что должно было способствовать их аккультурации и «просвещению». В то же время система кагалов, которая многими расценивалась как ось еврейского сепаратизма, сохранялась, поскольку у государства не было иного средства для управления евреями. В неприкосновенности остались также особые еврейские общинные налоги и раввинский суд (*bet-din*). С целью повышения продуктивности евреев для них были введены новые экономические категории. Желавшим заниматься сельскохозяйственной колонизацией предлагалась земля и освобождение от налогов. Еврейским предпринимателям, открывавшим фабрики, были обещаны субсидии и государственные заказы. Черта оседлости была заново определена и расширена, охватив недавно присоединенные земли Новороссии.

Положение 1804 г. включало и репрессивные меры, нацеленные на ограничение широко распространившейся еврейской виноторговли посредством массового выселения евреев из сел Белоруссии. Эта кампания привела к широкомасштабному перемещению еврейского населения и его обнищанию, но своих конечных целей она не достигла и была впоследствии прекращена.

Еврейские общины Польско-Литовского королевства имели право назначать своих представителей (*shtadlanim*), чтобы отстаивать интересы евреев в государственных учреждениях. Поскольку российские власти были слабо осведомлены о еврейской жизни в империи, они разрешили продолжить эту деятельность. В 1785 г. еврейские депутаты добивались в Сенате, чтобы евреи упоминались в параграфах «Жалованной грамоты городам», а избранные в общинах делегаты служили консультантами при подготовке Положения

1804 г. В 1812 г. Александр I создал систему выборных официальных представителей от еврейских общин, известных как «депутаты еврейского народа». Предполагалось, что депутаты будут советниками правительства по вопросам, связанным с положением евреев. Эта инициатива принесла евреям определенную пользу (например, в борьбе против кровавого навета), но в конечном счете она провалилась из-за политической апатии новых еврейских общин таких городов, как Одесса и Киев, где не существовало традиции подобной деятельности³.

1825–1855 гг.

На годы царствования Николая I (1796–1855, император с 1825) пришла наиболее продолжительная кампания по «исправлению» еврейского «религиозного фанатизма» и «экономической эксплуатации». Многие царские инициативы, направленные на обеспечение аккультурации и продуктивности еврейского населения, например обязательная военная служба и новые прогрессивные школы, напоминали меры, принятые в Австрийской империи во времена Иосифа II (1780–1790). Однако в России эти меры носили консервативный характер и вводились принудительно, что было характерно для царствования Николая в целом.

В 1827 г. было отменено освобождение от воинской службы за уплату специального налога, и на еврейские общины была возложена коллективная ответственность за своевременную поставку рекрутов. Введение рекрутчины и вопиющие должностные преступления, совершаемые кагалами при наборе рекрутов, в значительной степени способствовали подрыву морального авторитета кагальной системы в глазах еврейского общества⁴.

Новое Положение о евреях 1835 г. должно было исправить некоторые из замеченных несоответствий в законодательстве 1804 г. Оно подтвердило существование черты оседлости и право евреев принимать участие в городском самоуправлении, но в то же время сохранило определенную неясность в отношении регулирования внутренней жизни еврейского общества. В результате в 1840 г. был утвержден новый Еврейский комитет («Комитет для определения мер коренного преобразования евреев в России») под председательством талантливого государственного деятеля графа П.Д. Киселева. Этот комитет разработал и осуществил множество реформ, которые включали ограничения на ношение традиционной еврейской одежды и обязательные выборы в каждой общине «просвещенного раввина», в обязанности которого входило ведение общинных метрик. Принятые комитетом новые цензурные правила имели целью воспрепятствовать обращению «вредных» книг на идише и иврите в еврейской среде. Была сделана попытка — в полной мере так и не осуществ-

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Илья Лурье</i> . Предисловие.	5
<i>Израэль Барталь</i> . Между имперской историей и национальной историографией.	9

ЧАСТЬ 1. РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕВРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

1.1. <i>Джон Клиер</i> . Развитие законодательства о евреях в Российской империи (1772–1881).	23
1.2. <i>Хайнц-Дитрих Лёве</i> . От «исправления» к дискриминации: Новые тенденции в государственной политике по отношению к евреям (1881–1914).	38
1.3. <i>Йоханан Петровский-Штерн</i> . Евреи и армия: социально-культурные аспекты	66
1.4. <i>Дмитрий Эльяшевич</i> . Правительственная цензура еврейских изданий в Российской империи	86

ЧАСТЬ 2. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА

2.1. <i>Давид Асаф и Гади Сагив</i> . Хасидизм в царской России: исторические и социальные аспекты	101
2.2. <i>Уриэль Гельман</i> . Ученая элита литовского еврейства: идеалы и действительность	147

2.3. <i>Мордехай Залкин</i> . Еврейское Просвещение в Российской империи	164
2.4. <i>Ивонн Клайнман</i> . Еврейское общество за пределами черты оседлости	188
2.5. <i>Максим Гаммал</i> . Караимы в Российской империи	204
2.6. <i>Зеев Левин</i> . Евреи Бухары под властью России в 1864—1917 гг.	224

ЧАСТЬ 3. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ

3.1. <i>Шай Ран Фриз</i> . Еврейская семья в России	241
3.2. <i>Шауль Штампфер</i> . Евреи в царской России в конце XIX в.: демографические аспекты	265

ЧАСТЬ 4. ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

4.1. <i>Йоси Гольдштейн</i> . Развитие сионистского движения в России в 1881—1917 гг.	289
4.2. <i>Йонатан Френкель</i> . Еврейский социализм и Бунд в России.	320
4.3. <i>Кристоф Гассенимидт</i> . Еврейская либеральная политика	337
4.4. <i>Олег Будницкий</i> . Евреи в российских политических движениях	352
4.5. <i>Владимир Левин, Илья Лурье</i> . Формирование еврейской ортодоксальной политики	361

ЧАСТЬ 5. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

5.1. <i>Авраам Новерштерн</i> . Расцвет современной литературы на идише	403
5.2. <i>Израэль Барталь</i> . Наследие и бунт: Литература на иврите в Российской империи	440
5.3. <i>Владимир Хазан</i> . Русско-еврейская литература XIX в.	475
5.4. <i>Григорий (Гиллель) Казовский</i> . Искусство, музыка и театр в национальной культуре российского еврейства	488
Об авторах	526

ОТ РАЗДЕЛОВ ПОЛЬШИ ДО ПАДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1772-1917

Новая монография, подготовленная израильскими, российскими, американскими и немецкими исследователями, посвящена различным аспектам жизни евреев в Российской империи. Она является второй частью серии "История еврейского народа в России" и охватывает период с первого раздела Польши в 1772 г. и до Февральской революции 1917 г. В этом издании, подводящем итог многолетних исследований, нашло отражение многообразие современных подходов к истории и культурному наследию российского еврейства. Среди основных тем, представленных в пяти разделах книги, - история государственного законодательства о евреях, еврейские общественные, религиозные и политические движения, демографические процессы, развитие новой еврейской литературы на трех языках - иврите, идише и русском и возникновение различных форм национальной культуры на территории империи.